

An artistic illustration in a painterly style. A large, bright yellow sun or moon is partially obscured by a dark, arched stone bridge. A silhouette of a person sits on the bridge's edge, looking out over a body of water. The water is dark blue with greenish reflections and white, wavy lines representing ripples. In the background, there are silhouettes of street lamps and a small building. A small white bird is flying in the sky.

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Собрание больших поэтов

Иннокентий Анненский
Стихотворения

«ЭКСМО»

XX век

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Анненский И. Ф.

Стихотворения / И. Ф. Анненский — «Эксмо», XX
век — (Собрание больших поэтов)

ISBN 978-5-04-229186-9

Иннокентий Анненский — выдающийся русский поэт, драматург, переводчик и критик, родившийся в 1855 году. Хотя при жизни его творчество не получило заслуженного признания, оно оказало значительное влияние на младшее поколение символистов (Александр Блок, Андрей Белый и др.). Поэзия Анненского отличается особым взглядом на мир: явления и предметы становятся больше самих себя, приобретая особый ирреальный ореол. Мистический эффект его стихов будет интересен и современному поколению читателей, чувствительных к потустороннему. Иннокентий Анненский — одна из ярчайших фигур русской поэзии, чье творчество до сих пор вызывает интерес у исследователей и заставляет задуматься над ответом на вопрос: «Что есть поэзия?»

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-229186-9

© Анненский И. Ф., XX век
© Эксмо, XX век

Содержание

Максимилиан Волошин	6
Из сборника «Тихие песни»	14
Поэзия	14
«Девиз Таинственный похож...»	15
У гроба	16
Двойник	17
Который?	18
На пороге	19
Листы	20
В открытые окна	21
Идеал	22
Май	23
Июль	24
Август	26
Сентябрь	28
Ноябрь	29
Ветер	30
Ненужные строфы	31
В дороге	32
Среди нахлынувших воспоминаний	33
Трактир жизни	35
Там	36
«Пусть для ваших открытых сердец...»	37
Первый фортепьянный сонет	38
Ещё один	39
С четырёх сторон чаши	40
Villa nazionale	41
Опять в дороге	42
На воде	43
Конец осенней сказки	44
Утро	45
Ванька-ключник в тюрьме	46
Свечка гаснет	47
Декорация	48
Бессонницы	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Иннокентий Федорович Анненский

Стихотворения

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Максимилиан Волошин Анненский – лирик

«Все мы умираем неизвестными»... Слова Бальзака оказались правдой и для Иннокентия Фёдоровича Анненского.

Но «жизнь равняет всех людей, смерть выдвигает выдающихся». Надо надеяться, что так случится и теперь.

И. Ф. Анненский был удивительно мало известен при жизни не только публике, но даже литературным кругам. На это существовали свои причины: литературная деятельность И. Ф. была разносторонняя и разнообразная. Этого достаточно для того, чтобы остаться неизвестным. Слава прижизненная – удел специалистов. Оттого ли, что жизнь стала сложнее и пестрее, оттого ли, что мозг пресыщен яркостью рекламных впечатлений, память читателя может запомнить в наши дни о каждом отдельном человеке только одну черту, одно пятно, один штрих; публика инстинктивно протестует против энциклопедистов, против всякого многообразия в индивидуальности. Она требует одной определённой маски с неподвижными чертами. Тогда и запомнит, и привыкнет, и полюбит.

Быть многогранным, интересоваться разнообразным, проявлять себя во многом – лучшее средство охранить свою неизвестность. Это именно случай Иннокентия Фёдоровича Анненского; и лишь теперь для него начнётся синтетизирующая работа смерти.

И. Ф. был звездой с переменным светом. Её лучи достигали неожиданно, снопами разных цветов, то разгораясь, то совсем погасая, путая наблюдателя, который не отдавал себе отчёта в том, что они идут от одного и того же источника. И надо отдать справедливость, что у Иннокентия Фёдоровича были данные для того, чтобы сбить с толку и окончательно запутать каждого, кто не знал его лично.

Вспоминаю хронологическую непоследовательность моих собственных впечатлений о нём и о его деятельности.

В начале девятисотых годов в беседе о прискорбных статьях Н. К. Михайловского о французских символистах: «Михайловский совсем не знал французской литературы – все сведения, которые он имел, он получал от Анненского». Тогда я подумал о Николае Фёдоровиче Анненском и только гораздо позже понял, что речь шла об Иннокентии Фёдоровиче.

Года два спустя, ещё до возникновения «Весов», Вал. Брюсов показывал мне книгу со статьёй о ритмах Бальмонта. На книге было неизвестное имя – И. Анненский. «Вот уже найдется, значит, молодые критики, которые интересуются теми вопросами стиха, над которыми мы работаем», – говорил Брюсов.

Потом я читал в «Весах» рецензию о книге стихов «Никто» (псевдоним хитроумного Улисса, который избрал себе Иннокентий Фёдорович). К нему относились тоже как к молодому, начинающему поэту; он был сопоставлен с Иваном Рукавишниковым.

В редакции «Перевала» я видел стихи И. Анненского (его считали тогда Иваном Анненским). «Новый декадентский поэт. Кое-что мы выбрали. Остальное пришлось вернуть».

Когда в 1907 году Ф. Сологуб читал свою трагедию «Лаодамия», он упоминал о том, что на эту же тему написана трагедия И. Анненским. Затем мне попался на глаза толстый том Эврипида в переводе с примечаниями и со статьями И. Анненского; помнились какие-то заметки, подписанные членом учёного комитета этого же имени, – то в «Гермесе», то в «Журнале Министерства народного просвещения», доходили смутные слухи о директоре Царско-сельской гимназии и об окружном инспекторе Петербургского учебного округа...

Но можно ли было догадаться о том, что этот окружной инспектор и директор гимназии, этот поэт-модернист, этот критик, заинтересованный ритмами Бальмонта, этот знаток фран-

цузской литературы, к которому Михайловский обращался за сведениями, этот переводчик Эврипида – всё одно и то же лицо?

Для меня здесь было около десятка различных лиц, друг с другом не схожих ни своими интересами, ни возрастом, ни характером деятельности, ни общественным положением. Они слились только в тот мартовский день 1909 года, когда я в первый раз вошёл в кабинет Иннокентия Фёдоровича и увидел гипсовые бюсты Гомера и Эврипида, стену, увешанную густо, по-старинному, фотографиями, литографиями и дагерротипами, шкафы с книгами – филология рядом с поэтами, толстые томы научных изданий рядом с тоненькими «plaquettes»¹ новейших французских авторов, ещё не проникших в большую публику. Наружность Иннокентия Фёдоровича гармонировала с этим кабинетом, заставленным старомодными, уютными, но неудобными креслами, вынуждавшими сидеть прямо. Прямызна его головы и его плечей поражала. Нельзя было угадать, что скрывалось за этой напряжённой прямизной – юношеская бодрость или преодолённая дряхлость. У него не было смиренной спины библиотечного работника; в этой напряжённой и неподвижной приподнятости скорее угадывались торжественность и начальственность. Голова, вставленная между двумя подпиравшими щёки старомодными воротничками, перетянутыми широким чёрным пластроном, не двигалась и не поворачивалась. Нос стоял тоже как-то особенно прямо. Чтобы обернуться, Иннокентий Фёдорович поворачивался всем туловищем. Молодые глаза, висячие усы над пухлыми, слегка выдвинутыми губами, прямые по-английски волосы надо лбом и весь барственный тон речи, под шутливостью и парадоксальностью которой чувствовалась авторитетность, не противоречили этому впечатлению. Внешняя маска была маской директора гимназии, действительного статского советника, члена учёного комитета, но смягчённая природным барством и обходительностью.

Всё, что было юношеского, – было в неутомлённом книгами мозгу; всё, что было старческого, было в юношески стройной фигуре. Хотелось сказать: «Как он моложав и бодр для своих 65 лет!», а ему было на самом деле около пятидесяти.

Его торжественность скрывала детское легкомыслие; за гибкой подвижностью его идей таилась окаменелость души, которая не решалась переступить известные грани познания и страшилась известных понятий; за его литературною скромностью пряталось громадное самолюбие; его скептицизмом прикрывалась открытая доверчивость и тайная склонность к мистике, свойственная умам, мыслящим образами и ассоциациями; то, что он называл своим «цинизмом», было одной из форм нежности его души; его убеждённый модернизм застыл и остановился на определённой точке начала девяностых годов.

Он был филолог, потому что любил произрастания человеческого слова: нового настолько же, как старого. Он наслаждался построением фразы современного поэта, как старым вином классиков; он взвешивал её, пробовал на вкус, прислушивался к перезвону звуков и к интонациям ударений, точно это был тысячелетний текст, тайну которого надо было разгадать. Он любил идею, потому что она говорит о человеке. Но в механизме фразы таились для него ещё более внятные откровения об её авторе. Ничто не могло укрыться в этой области от его изошрённого уха, от его ясно видящей наблюдательности. И в то же время он совсем не умел видеть людей и никогда не понял ни одного автора как человека. В каждом произведении, в каждом созвучии он понимал только самого себя. Поэтому он был идеальным читателем.

Перелистывая немногие и случайные письма, полученные мною за эти несколько месяцев знакомства от Иннокентия Фёдоровича, я нахожу такие фразы, глубоко характерные для его отношения к слову: «Да, Вы будете один... Вам суждена, быть может, по крайней мере на ближайшие годы, роль, мало благодарная». Пишет он мне после первого нашего свидания: «Ведь у вас – школа... у Вас не только светила, но всякое бурое пятно не проснувшихся, ещё суме-

¹ Брошюрами (франц.).

речных трав, ночью скосмаченных... знает, что они СЛОВО и что ничем, КРОМЕ СЛОВА, ИМ – светилам – не быть, что отсюда и их красота, и алмазность, и тревога, и уныние.

...Мысль... Мысль?... Вздор всё это. Мысль не есть плохо понятое слово; в поэзии у мысли страшная ответственность... И согбенные, часто недоумевающие, очарованные, а иногда – и нередко – одураченные словом, мы-то понимаем, какая это святыня, сила и красота...

...А разве многие понимают, что такое СЛОВО у нас? Но знаете, за последнее время и у нас – ух! – как много этих, которые нянчатся со словом и, пожалуй, готовы говорить об его культе. Но они не понимают, что самое СТРАШНОЕ и ВЛАСТНОЕ слово, т. е. самое ЗАГАДОЧНОЕ, может быть, именно слово БУДНИЧНОЕ».

Я не стесняюсь приводить эти слова только потому, что это «ВЫ» – здесь лишь форма выражения, а читать следует «я». Это самого себя Иннокентий Фёдорович под впечатлением нескольких моих стихотворений почувствовал одиноким, себя понял осуждённым на роль мало благодарную в течение ближайших лет, себя знал носителем школы, сам признавал, что для него внешний мир ничего, КРОМЕ СЛОВА, не представляет, сам трепетал красотой и алмазностью, тревогой и унынием страшных, властных, загадочных – БУДНИЧНЫХ слов.

Каким поэтом мог быть тот сложный и цельный человек, намеренная парадоксальность речей которого была лишь бледным отражением парадоксальных сочетаний, составлявших гармоническую сущность его природы? Это был нерадостный поэт. Поэт БУДНИЧНЫХ слов. В свою лирику он вкладывал не творчество, не волю, не синтез, а жёсткий самоанализ...

Я завожусь на тридцать лет,
Чтоб жить, мучительно дробя
Лучи от призрачных планет
На «да» и «нет», на «ах» и «бя»,

...И был бы, верно, я поэт,
Когда бы выдумал себя...
...И был бы мой свободный дух
Теперь не «я», он был бы «Бог»...²

Он не хотел «выдумывать себя» и своё земное «я» противопоставлял сурово и свободно божественной своей сущности, становясь на диаметрально противоположную точку самоутверждения, чем требования: «Твори самого себя в возможном», «Верой уходи в несозданное». Для него слово оставалось сурово БУДНИЧНЫМ, потому что он не хотел сделать его именем, т. е. одухотворить его призывной, заклинающей силой. Его поэзия оставалась бескрылой, как Акропольская Победа, а любовь – «безлюбой». Он сам захотел и этой «бескрылости», и этой «безлюбовности», и они дались ему большим трудом, потому что он был рождён и крылатым, и любящим.

Когда перелистываешь страницы «Кипарисового ларца», то убеждаешься, что всё это написано не в моменты бодрого и творческого подъёма воли, которая ушла целиком в другие работы и труды И. Ф. Анненского, а в минуты горестного замедления жизни, в минуты бессонниц, невралгических болей, сердечных припадков, хандры, усталости и упадка сил. Лирика отразила только одну – эту сторону его души.

Разве, охватив взглядом всю разнообразную и богатую деятельность Иннокентия Фёдоровича, можно назвать его человеком бездейственным? Между тем в стихах – это человек, который только смотрит и мучительно-пассивно переживает.

---

² Я завожусь – Теперь не «я», он был бы «Бог»... – Цитаты из сонета «Человек» («Я завожусь на тридцать лет...»).

Лишь шарманку старую знобит,
И она в закатном мленье мая
Всё никак не смеет злых обид,
Цепкий вал кружа и нажимая.

И никак, цепляясь, не поймёт
Этот вал, к чему его работа,
Что обида к старости растёт
На шипах от муки поворота.

Но когда бы понял старый вал,
Что такая им с шарманкой участь,
Разве петь, кружась, он перестал?
Оттого что петь нельзя, не мучась...³

То, что было юношеского, гибкого, переменчивого и наивного в характере Иннокентия Фёдоровича, не нашло отражения в его стихах. Но разве напряжённой прямизне его стана, за которой чувствовалась и скрываемая боль, и дряхлость, и его негибкой голове, не поворачивавшейся в высоких воротничках, подпиравших щёки, не соответствуют эти мучительные слова о том, что «обида к старости растёт на шипах от муки поворота»?

Там всё, что прожито – желанье и тоска,
Там всё, что близится – унылость и забвенье.⁴

Для выражения мучительного упадка духа он находил тысячи оттенков. Он всячески изназывал изгибы своей неврастении. «Только не желать бы, да ещё не помнить, да ещё не думать». Сердце – это «счётчик муки, машинка для чудес». «В сердце, как после пожара, ходит удушливый дым».

«О, как я чувствую накопленное бремя
Отравленных ночей и грязно-белых дней»...
...«И было мукою для них (для струн),
Что людям музыкой казалось»...

Воспоминанья «надо выстрадать и дать им отойти». Ничто не удавалось в стихах Иннокентия Фёдоровича так ярко, так полно, так убедительно законченно, как описание кошмаров и бессонниц. Вот он не спит в вагоне железной дороги —

...Пока с разбитым фонарём,
Наполовину притушённым,
Среди кошмарных дум и дрём
Проходит полночь по вагонам.

...И чем её дозоры глуше,
Тем больше чада в чёрных снах,

---

³ Лишь шарманку старую – Оттого, что петь нельзя, не мучась... – Неточная цитата из стихотворения «Старая шарманка» («Небо нас совсем свело с ума...»).

⁴ Там всё, что прожито – унылость и забвенье. – Из стихотворения «Тоска мимолётности» («Бесследно канул день. Желтея, на балкон...»).

И задыханий, и удуший,
Тем больше слов, как бы не слов,
Тем отвратительней дыханье
И запрокинутых голов
В подушках красных колыханье...⁵

Вот он лежит больной с ледяным мешком на голове. Опять бессонница:

Ночь не тает.
Ночь как камень,
Плача, тает только лёд,
И струит по телу пламень
Свой причудливый полёт.

Но лопочут, даром тая,
Ледышки на голове!
Не запомнить им, считая,
Что подушек только две,

И что надо лечь в угарный,
В голубой туман костра,
Если тошен луч фонарный
На скользоте топора...⁶

Вот кошмар дневной. Тоже железнодорожный кошмар импрессиониста:

...В тёмном зное полудней
Гул и краски вокзала...
Полумёртвые мухи
На разбитом киоске,
На пролитой извёстке
Слепы, жадны и глухи...
Уничтожиться, канув
В этот омут безликий,
Прямо в одурь диванов —
В полосатые тики.⁷

Вот ещё бессонница, комната, дождь...

Мне тоскливо, мне невмочь,
Я шаги слепого слышу:
Надо мною он всю ночь
Оступается о крышу.⁸

---

⁵ ...Пока с разбитым фонарём – В подушках красных колыханье... – Неточные цитаты из стихотворения «Зимний поезд» («Снегов немую черноту...»).

⁶ Ночь не тает – На скользоте топора... – Из стихотворения «То и Это».

⁷ ...В тёмном зное – В полосатые тики. – Неточные цитаты из стихотворения «Тоска вокзала» («О, канун вечных будней...»).

⁸ Мне тоскливо – Оступается о крышу. – Из стихотворения «Октябрьский миф».

Вот стук часов не даёт ему спать:

Разве тем и виноват,
Что на белый циферблат
Пышный розан намалёван?⁹

Вагон, вокзал железной дороги, болезнь – все мучительные антракты жизни, все вынужденные состояния безволия, неизбежные упадки духа между двумя периодами работы, невращения городского человека, заваленного делами, который на минуту отрывается от напряжения текущего мига и чувствует горестную пустоту, и бесцельность, и разорванность своей жизни...

Увы! Таковы были те минуты ОТДЫХА, которые он отдавал своей собственной душе, ритму своего «я».

Страшно редки в его лирике слова, выводящие из этого круга обыденности, слова о «тоске осуждённых планет», о том, что он любит всё, «чему в этом мире ни созвучья, ни отклика нет», о том, что существует «не наша связь и лучезарное Слияние», и какие это всё бескрылые, безвольные слова, сравнительно с тою сосредоточенной, будничной силой, которая говорит в его кошмарах. Только один Случевский («После казни в Женеве») находил такие реальные, такие мучительные сравнения, как Анненский.

У него острый взгляд импрессиониста на природу. Но импрессионист не внутри природы – он вне её и смотрит на неё. И. Ф. Анненский смотрит на природу сквозь переплёт окна из комнаты.

Ты опять со мной, подруга-осень,
Но сквозь сеть нагих твоих ветвей
Никогда бледней не стыла просишь,
И снегов не видел я мертвей.

Я твоих печальнее отребий
И черней твоих не видел вод.
На твоём линияло-ветхом небе
Жёлтых туч томителен развод.¹⁰

Но весна ещё больше, чем осень, надрывает его душу. «Эта резанность линий, этот грузный полёт, этот нищенский синий и заплаканный лёд». Не воскресение, а истлевший труп Лазаря видит он в ликах весны.

Уплывала Вербная неделя
На последней, на погублой льдине.
Уплывала в дымах благовоний,
В замираньи звонов похоронных,
От икон с глубокими глазами
И от Лазарей, забытых в чёрной яме.¹¹

---

⁹ Разве тем я виноват – Пышный розан намалёван? – Неточная цитата из стихотворения «Тоска маятника» («Неразгаданным надрывом...»).

¹⁰ Ты опять со мной – Жёлтых туч томителен развод. – Неточная цитата из стихотворения «Ты опять со мной».

¹¹ Уплывала Вербная неделя – И от Лазарей, забытых в чёрной яме. – Неточная цитата из стихотворения «Вербная неделя» («В жёлтый сумрак мёртвого апреля...»).

Даже в ясные летние вечера, среди тонких эстетических эмоций, колет сердце всё та же тоска:

Бесследно канул день. Желтея, на балкон
Глядит туманный диск луны, ещё бестенной.
И в бесконечности распахнутых окон,
Уже незрячие, тоскливо-белы стены.¹²

С весной у Иннокентия Фёдоровича были какие-то старые счёты и целый ряд мучительных ассоциаций; главным образом с нею была связана идея смерти.

В лирике, основанной на такого рода душевных состояниях, как лирика И. Ф., представление о смерти не может не занимать громадного места. И она занимает его, и притом в самых скорбных и мучительных и безобразных своих ликах: в лике трупа, панихиды, смертельной тоски, гроба, скелета... Он знает тысячу интимных примет её. У неё «узкий след», она в «кисейной тонкой чадре с мальвовыми полосами», об ней говорит «шелест крови», от неё «в удушливом дыму вянут космы хризантем», «Ужас в бледных зеркалах и молит, и поёт, и с поясным поклоном страх нам свечи раздаёт!». «Ночь напоминает Смерть всем – даже выцветшим покровом». Она «так страстно не разгадана в чадре живой, как дым, она на волнах ладана над куколем твоим».

Она – Смерть – всюду, всегда с ним в эти тусклые, томительные, нестерпимые минуты, которые были для него так несправедливо минутами лирических вдохновений. Иногда с жуткой настойчивостью он начинал кликать Смерть:

Всё ещё он тянет нитку,
И никак не кончит пытку
Этот сумеречный день...
Хоть бы ночь скорее, ночь!
Самому бы изнемочь,
Да забыться примирённым,
И уйти бы одурённым
В одуряющую ночь!¹³

И она пришла совсем такая, какой он видел её, какой страшился, какой ждал, какую, верно, втайне, против воли, хотел; пришла в «жёлтых парах петербургской зимы», «на жёлтом снегу, облипающем плиты», подошла на улице в один из антрактов деловой жизни, неожиданно и сразу сжала сердце одним нажимом пальцев. И он, в шубе, с портфелем, в котором лежала приготовленная лекция, что он ехал в этот день читать, мёртвый, опустился на ступени подъезда Царскосельского вокзала. Полиция отвезла труп неизвестного человека, скончавшегося на улице, в Обуховскую больницу; там его раздели и положили его обнажённое тело, облагороженное мыслью, ритмами и неврастенией, на голые доски в грязной мертвецкой...

...Из церкви Царскосельской гимназии, где совершалось отпевание, белый катафалк с гробом, с венками лавров и хризантем медленно и тяжело двигался по вязкому и мокрому снегу; дорогу развезло; ноябрьская оттепель обнажила суровые загородные дали; день был тихий, строгий, дымчатый; земля кругом была та страшная, «весенняя», с которой у него

---

¹² Бесследно канул день – Уже незрячие, тоскливо-белы стены. – Неточная цитата из стихотворения «Тоска мимолётности».

¹³ Всё ещё он – В одуряющую ночь! – Неточная цитата из стихотворения «Умирание» («Слава Богу, снова тень!...»).

соединялся образ смерти. И мне, следовавшему за гробом в самом конце процессии, вспоминались, как кошунственная эпитафия, как загробная клоунада, трагически-циничные стихи покойного – «Чёрная весна»:

Под гулы меди гробовой
Творился перенос,
И жутко задран, восковой
Глядел из гроба нос.
Дыханья, что ли, он хотел —
Туда, в пустую грудь?
Последний снег был тёмно-бел,
И тяжек рыхлый путь.
И только изморозь мутна
На тление лилась,
Да тупо чёрная весна
Глядела в студень глаз —
С облезлых крыш, из бурых ям,
С позеленелых лип...
А там – по мертвенным полям
С разбухших крыльев птиц...
О люди! Тяжек жизни след
По рытвинам путей,
Но ничего печальней нет,
Как встреча двух смертей...

Из сборника «Тихие песни»

Поэзия

Над высью пламенной Синая
Любить туман Её лучей,
Молиться Ей, Её не зная,
Тем безнадежно горячей,

Но из лазури фимиама,
От лилий праздного венца,
Бежать... презрев гордыню храма
И славословие жреца,

Чтоб в океане мутных далей,
В безумном чаяньи святынь,
Искать следов Её сандалий
Между заносами пустынь.

«Девиз Таинственный похож...»

Девиз Таинственный похож
На опрокинутое 8:
Она – отраднейшая ложь
Из всех, что мы в сознание носим.

В кругу эмалевых минут
Её свершаются обеты,
А в сумрак звёздами блеснут
Иль ветром полночи пропеты.

Но где светил погасших лик
Остановил для нас течение,
Там Бесконечность – только миг,
Дробимый молнией мученья.

У гроба

В квартире прибрано. Белеют зеркала.
Как конь попоною, одет рояль забытый:
На консультации вчера здесь Смерть была
И дверь после себя оставила открытой.
Давно с календаря не обрывались дни,
Но тикают ещё часы его с комода,
А из угла глядит, свидетель агоний,
С рожком для синих губ подушка кислорода.
В недоумении открыл я мертвеца...
Сказать, что это я... весь этот ужас тела...
Иль Тайна бытия уж населить успела
Приют покинутый всем чуждого лица?

Двойник

Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.

В сомненьи кипит ещё спор,
Но слиты незримой четою,
Одной мы живём и мечтою,
Мечтою разлуки с тех пор.

Горячешный сон волновал
Обманом вторых очертаний,
Но чем я глядел неустанней,
Тем ярче себя ж узнавал.

Лишь полога ночи немой
Порой отразит колыханье
Моё и другое дыханье,
Бой сердца и мой, и не мой...

И в мутном круженье годин
Всё чаще вопрос меня мучит:
Когда наконец нас разлучат,
Каким же я буду один?

Который?

Когда на бессонное ложе
Рассыплются бреда цветы,
Какая отвага, о боже,
Какие победы мечты!..

Откинув докучную маску,
Не чувствуя уз бытия,
В какую волшебную сказку
Вольётся свободное я!

Там всё, что на сердце годами
Пугливо таил я от всех,
Рассыплется ярко звездами,
Прорвётся, как дерзостный смех...

Там в дымных топазах запястий
Так тихо мне Ночь говорит;
Нездешней мучительной страсти
Огнём она чёрным горит...

Но я... безучастен пред нею
И нем, и недвижим лежу...

.....

На сердце её я, бледнея,
За розовой раной слежу,

За розовой раной тумана,
И пьяный от призраков взор
Читает там дерзость обмана
И сдавшейся мысли позор.

.....

О царь Недоступного Света,
Отец моего бытия,
Открой же хоть сердцу поэта,
Которое создал ты я.

На пороге

(Тринадцать строк)

Дыханье дав моим устам,
Она на факел свой дохнула,
И целый мир на Здесь и Там
В тот миг безумья разомкнула,
Ушла, – и холодом пахнуло
По древожизненным листьям.

С тех пор Незримая, года
Мои сжигая без следа,
Желанье жить всё жарче будит,
Но нас никто и никогда
Не примирит и не рассудит,
И верю: вновь за мной когда
Она придёт – меня не будет.

Листы

На белом небе всё тусклей
Златится горняя лампада,
И в доцветании аллей
Дрожат зигзаги листопада.

Кружатся нежные листы
И не хотят коснуться праха...
О, неужели это ты,
Всё то же наше чувство страха?

Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало,
И нет конца, и нет начала
Тебе, тоскующее я?

В открытые окна

Бывает час в преддверьи сна,
Когда беседа умолкает,
Нас тянет сердца глубина,
А голос собственный пугает,

И в нарастающей тени
Через отворенные окна,
Как жерла, светятся одни,
Свиваясь, рыжие волокна.

Не Скуки ль там Циклоп залёг,
От золотого зноя хмелен,
Что, розовея, уголёк
В закрытый глаз его нацелен?

Идеал

Тупые звуки вспышек газа
Над мёртвой яркостью голов,
И скуки чёрная зараза
От покидаемых столов,

И там, среди зеленолицых,
Тоску привычки затая,
Решать на выцветших страницах
Постылый ребус бытия.

Май

Так нежно небо зацвело,
А майский день уж тихо тает,
И только тусклое стекло
Пожаром запада блистает.

К нему прильнув из полутьмы,
В минутном млеет позлащеньи
Тот мир, которым были мы...
Иль будем, в вечном превращеньи?

И разлучить не можешь глаз
Ты с пыльно-зыбкой позолотой,
Но в гамму вечера влилась
Она тоскующею нотой

Над миром, что, златим огнём,
Сейчас умрет, не понимая,
Что счастье искрилось не в нём,
А в золотом обмане мая,

Что безвозвратно синева,
Его златившая, поблёлкла...
Что только зарево едва
Коробит розовые стёкла.

Июль

1

СОНЕТ

Когда весь день свои костры
Июль палит над рожью спелой,
Не свежий лес с своей капеллой,
Нас тешат: демонской игры

За тучей, разом потемнелой,
Раскатно-гулкие шары,
И то оранжевый, то белый
Лишь миг живущие миры;

И цвета старого червонца
Пары, сгоняющее солнце

С небес омыто-голубых,

И для ожившего дыханья
Возможность пить благоуханья
Из чаши ливней золотых.

2

Палимая огнём недвижимого светила,
Проклятый свой урок отлязгала кирьга
И спящих грабаров с землёю сколотила,
Как ливень, чёрные, осенние стога.

Каких-то диких сил последнее решение,
Луча отвесного неслышный людям зов,
И абрис ног худых меж чадного смешенья
Всклоченных бород и рваных картузов.

Не страшно ль иногда становится на свете?
Не хочется ль бежать, укрыться поскорей?
Подумай: на руках у матерей
Всё это были розовые дети.

1900

Август

1

ХРИЗАНТЕМА

Облака плывут так низко,
Но в тумане всё нежней
Пламя пурпурного диска
Без лучей и без теней.

Тихо траурные кони
Подвигают яркий гнёт,
Что-то чуткое в короне
То померкнет, то блеснёт...

...Это было поздним летом
Меж ракии и на песке,
Перед бледно-жёлтым цветом
В увядающем венке,

И казалось мне, что нежной
Хризантема головой
Припадает безнадежно
К яркой крышке гробовой...

И что два её свитые
Лепестка на сходнях дроз —
Это кольца золотые
Ею брошенных серёг.

2

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СВЕТ В АЛЛЕЕ

О, не зови меня, не мучь!
Скользя бесцельно, утомлённо,
Зачем у ночи вырвал луч,
Засыпав блеском ветку клёна?

Её пьянит зелёный чад,

И дум ей жаль разоблачённых,
И слёзы осени дрожат
В её листах раззолочённых, —

А свод так сладостно дремуч,
Так миротворно слиты звенья...
И сна, и мрака, и забвенья...
О, не зови меня, не мучь!

Сентябрь

Раззолочённые, но чахлые сады
С соблазном пурпура на медленных недугах,
И солнца поздний пыл в его коротких дугах,
Невластный вылиться в душистые плоды.

И жёлтый шёлк ковров, и грубые следы,
И понятая ложь последнего свиданья,
И парков чёрные, бездонные пруды,
Давно готовые для спелого страданья...

Но сердцу чудится лишь красота утрат,
Лишь упоение в замороженной силе;
И тех, которые уж лотоса вкусили,
Волнует вкрадчивый осенний аромат.

Ноябрь

Сонет

Как тускло пурпурное пламя,
Как мёртвы жёлтые утра!
Как сеть ветвей в оконной раме
Всё та ж сегодня, что вчера...

Одна утеха, что местами
Налёт белил и серебра
Мягчит пушистыми чертами
Работу тонкую пера...

В тумане солнце, как в неволе...
Скорей бы сани, сумрак, поле,
Следить круженье облаков, —

Да, упиваясь медным свистом,
В безбрежной зыбкости снегов
Скользить по линиям волнистым...

Ветер

Люблю его, когда, сердит,
Он поле ржи задёрнет флёром
Иль нежным летом бороздит
Волну по розовым озёрам;

Когда грозит он кораблю
И паруса свивает в жгуты;
И шум зелёный я люблю,
И облаков люблю лоскутья...

Но мне милей в глуши садов
Тот ветер, тёплый и игривый,
Что хлещет жгучею крапивой
По шапкам розовым дедов.

Ненужные строфы

Сонет

Нет, не жемчужины, рождённые страданием,
Из жерла чёрного метала глубина:
Тем до рожденья их отверженным созданиям
Мне одному, увы! известна лишь цена...

Как чахлая листва, пестрима увяданьем
И безнадёжностью небес позлащена,
Они полны ещё неясным ожиданьем,
Но погребальная свеча уж зажжена.

Без лиц и без речей разыгранная драма:
Огонь под розами мучительно храним,
И светозарный бог из чёрной ниши храма...

Он улыбается, он руки тянет к ним.
И дети бледные Сомненья и Тревоги
Идут к нему приять пурпуровые тоги.

В дороге

Перестал холодный дождь,
Сизый пар по небу вьётся,
Но на пятна нив и рощ
Точно блеск молочный льётся.

В этом чаяньи утра
И предчувствии мороза,
Как у чёрного костра,
Мертвы линии обоза!

Жеребчий дробный бег,
Пробы первых свистов птичьих
И кошмары снов мужичьих
Под рогожами телег.

Тошно сердцу моему
От одних намёков шума:
Всё бы молча в полутьму
Уводила думу дума.

Не сошла и тень с земли,
Уж в дыму овины тонут,
И с бадьями журавли,¹⁴
Выпрямляясь, тихо стонут.

Дед идёт с сумой и бос,
Нищета заводит повесть:
О, мучительный вопрос!
Наша совесть... Наша совесть...

---

¹⁴ Журавль – колодец.

Среди нахлынувших воспоминаний

1

ПЕРЕД ЗАКАТОМ

Гаснет небо голубое,
На губах застыло слово;
Каждым нервом жду отбоя
Тихой музыки бывшего.

Но помедли, день, врачуя
Это сердце от разлада!
Всё глазами взять хочу я
Из темнеющего сада...

Щётку жёлтую газона,
На гряде цветок забытый,
Разорённого балкона
Остов, зеленью увитый.

Топора обиды злые,
Всё, чего уже не стало...
Чтобы сердце, сны бывшие
Узнавая, трепетало...

2

ПОД НОВОЙ КРЫШЕЙ

Сквозь листву просвет оконный
Синью жгучею залит,
И тихонько ветер сонный
Волоса мне шевелит...

Не доделан новый кокон,
Точно трудные стихи:
Ни дверей, ни даже окон
Нет у пасынка стихий,

Но зато по клетям сруба

В тёмной зелени садов
Сапожищи жизни грубо
Не оставили следов,

И жилец докучным шумом
Мшистых стен не осквернил:
Хорошо здесь тихим думам
Литься в капельки чернил.

Схоронили пепелище
Лунной ночью в забытьё...
Здравствуй, правнуков жилище, —
И моё, и не моё!

Трактир жизни

Вкруг белеющей Психеи
Те же фикусы торчат,
Те же грустные лакеи,
Тот же гам и тот же чад...

Муть вина, нагие кости,
Пепел стынувших сигар,
На губах – отравы злости,
В сердце – скуки перегар...

Ночь давно снега одела,
Но уйти ты не спешишь;
Как в кошмаре, то и дело:
«Алкоголь или гашиш?»

А в сениях, поди, не жарко:
Там, поднявши воротник,
У плывущего огарка
Счёты сводит гробовщик.

Там

Ровно в полночь гонг унылый
Свёл их тени в чёрной зале,
Где белел Эрот бескрылый
Меж искусственных азалий.

Там, качаяся, лампы
Пламя трепетное лили,
Душным ладаном услады
Там кадили чаши лилий.

Тварь единая живая
Там тянула к брашну жало,
Там отравы огневая
В кубки медные бежала.

На оскала смех застылый
Тени ночи напознали,
Бесконечный и унылый
Длился ужин в чёрной зале.

«Пусть для ваших открытых сердец...»

Пусть для ваших открытых сердец
До сих пор это – светлая фея
С упоительной лирой Орфея,
Для меня это – старый мудрец.

По лицу его тяжко проходит
Бороздой Вековая Мечта,
И для мира немые уста
Только бледной улыбкой поводит.

Первый фортепьянный сонет

Есть книга чудная, где с каждою страницей
Галлюцинации таинственно свиты:
Там полон старый сад луной и небылицей,
Там клён бумажные заморозил листы,

Там в очертаниях тревожной пустоты,
Упившись чарами луны зеленолицей,
Менады белою мятутся вереницей,
И десять реет их по клавишам мечты.

Но, изумрудами запястий залитая,
Меня волнует дев мучительная стая:
Кристалльно чистые так бешено горды.

И я порвать хочу серебряные звенья...
Но нет разлуки нам, ни мира, ни забвенья,
И режут сердце мне их узкие следы...

Ещё один

И пылок был, и грозен День,
И в знамя верил голубое,
Но ночь пришла, и нежно тень
Берёт усталого без боя.

Как мало их! Ещё один
В лучах слабеющей Надежды
Уходит гордый паладин:
От золотой его одежды

Осталась бурая кайма
Да горький чад... воспоминанья
.....
Как обгорелого письма
Неповторимое признание.

1903

С четырёх сторон чаши

Нежным баловнем мамаши
То большиться, то шалить...
И рассеянно из чаши
Пену пить, а влагу лить...

Сил и дней гордясь избытком,
Мимоходом, на лету
Хмельно-розовым напитком
Усыплять свою мечту.

Увидав, что невозможно
Ни вернуться, ни забыть...
Пить поспешно, пить тревожно,
Рядом с сыном, может быть,

Под наплывом лет согнуться,
Но, забыв и вкус вина...
По привычке всё тянуться
К чаше, выпитой до дна.

Villa nazionale

Смычка заслушавшись, тоскливо
Волна горит, а луч померк, —
И в тени душные залива
Вот-вот ворвётся фейерверк.

Но в мутном чаяньи испуга,
В истоме прерванного сна,
Не угадать Царице юга
Тот миг шальной, когда она

Развяжет, разоймёт, расщиплет
Золотоцветный свой букет
И звёзды робкие рассыплет
Огнями дерзкими ракет.

1890

Опять в дороге

Когда высоко под дугою
Звенело солнце для меня,
Я жил унылою мечтою,
Минуты светлые гоня...

Они пугливо отлетали,
Но вот прибился мой звонок:
И где же вы, златые дали?
В тумане – юг, погас восток...

А там стена, к закату ближе,
Такая страшная на взгляд...
Она всё выше... Мы всё ниже...
«Постой-ка, дядя!» – «Не велят».

На воде

То луга ли, скажи, облака ли, вода ль
Околдована жёлтой луною:
Серебристая гладь, серебристая даль
Надо мной, предо мною, за мною...

Ни о чем не жалеть... Ничего не желать...
Только б маска колдуньи светилась
Да клубком её сказка катилась
В серебристую даль, на серебристую гладь.

1900

Конец осенней сказки

Сонет

Неустанно ночи длинной
Сказка чёрная лилась,
И багровый над долиной
Загорелся поздно глаз;

Видит: радуг паутина
Почернела, порвалась,
В малахиты только тина
Пышно так разубралась.

Видит: пар белесоватый
И ползёт, и вьётся ватой,
Да из чёрного куста

Там и сям сочатся грозди
И краснеют... точно гвозди
После снятого Христа.

Утро

Эта ночь бесконечна была,
Я не смел, я боялся уснуть:
Два мучительно-чёрных крыла
Тяжело мне ложились на грудь.

На призывы ж тех крыльев в ответ
Трепетал, замирая, птенец,
И не знал я, придёт ли рассвет
Или это уж полный конец...

О, смелее... Кошмар позади,
Его страшное царство прошло;
Вещих птиц на груди и в груди
Отшумело до завтра крыло...

Облака ещё плачут, гудя,
Но светлеет и нехотя тень,
И банальный, за сетью дождя,
Улыбнуться попробовал День.

Ванька-ключник в тюрьме

Крутясь-мутясь да сбились
Жёлты пески с волной,
Часочек мы любились,
Да с мужнею женой.

Ой, цветики садовые,
Да некому полить!
Ой, прянички медовые!
Да с кем же вас делить?

А уж на что уважаены:
Проси – не улечу,
У стеночки посажены,
Да не плечо к плечу.

Цепочечку позванивать
Продели у ноги,
Позванивать, подманивать:
«А ну-тка, убеги!»

А мимо птицей мычется
Злодей – моя тоска...
Такая-то добытчица,
Да не найти крюка?!

Свечка гаснет

В тёмном пламени свечи
Зароившись, как живые,
Мигот гибнут огневые
Брызги в трепетной ночи,
Но с мольбою голубые
Долго теплятся лучи
В тёмном пламени свечи.

Эх, заснуть бы спозаранья,
Да страшат набег сна,
Как безумного желанья
Тихий берег умиранья
Захлестнувшая волна.
Свечка гаснет. Ночь душна...
Эх, заснуть бы спозаранья...

Декорация

Это – лунная ночь невозможного сна,
Так уныла, желта и больна
В облаках театральных луна,

Свет полос запылённо-зелёных
На бумажных колеблется клёнах.

Это – лунная ночь невозможной мечты...
Но недвижны и странны черты:
– Это маска твоя или ты?

Вот чуть-чуть шевельнулись ресницы...
Дальше... вырваны дальше страницы.

Бессонницы

1

БЕССОННИЦА РЕБЁНКА

От душной копоты земли
Погасла точка огневая,
И плавно тени потекли,
Контуры странные сливая.

И знал, что спать я не могу:
Пока уста мои молились,
Те, неотвязные, в мозгу
Опять слова зашевелились.

И я лежал, а тени шли,
Наверно зная и скрывая,
Как гриб выходит из земли
И ходит стрелка часовая.

2

«ПАРКИ – БАБЬЕ ЛЕПЕТАНЬЕ»

Сонет

Я ночи знал. Мечта и труд
Их наполняли трепетаньем, —
Туда, к надлунным очертаньям,
Бывало, мысль они зовут.

Томя и нежа ожиданьем,
Они, бывало, промелькнут,
Как цепи розовых минут
Между запиской и свиданьем.

Но мая белого ночей
Давно страницы пожелтели...

Теперь я слышу у постели

Веретено – и, как ручей,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.